

Екатерина Кулаковская
Проклятие Золотого берега

Екатерина Кулаковская

Проклятие Золотого берега

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22104337

ISBN 9785448343469

Аннотация

Фэнтези, старая добрая фэнтези. Легенды древние открыли:
Двенадцать демонов-страстей Сегодня снова в прежней силе
И жаждут крови и костей.

Содержание

Глава 1. Свадьба	5
Глава 2. Испытание повседневностью	18
Глава 3. Королевский бал	71
Глава 4. Катахейцы в Тиндоре	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Проклятие Золотого берега

Екатерина Кулаковская

*Текст был опубликован на сайте Самиздат под
псевдонимом Сапфира Алла*

© Екатерина Кулаковская, 2016

© Екатерина Кулаковская, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4346-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Свадьба

В начале месяца пришествия богов к воротам одного из самых богатых купеческих домов в Уланде подъехали два всадника. Мокрые от дождя бока коней блестели в свете уличного фонаря, а усталые путники не знали, как их здесь встретят. Один из них слез с коня, и взявшись за толстое холодное железное кольцо, несколько раз ударил им по медной пластине, украшавшей ворота прямо под ним. На стук выглянул старый седой слуга со светильником:

– Кто такие? Чего надо? – сердито спросил он, определив по одежде и вооружению, что перед ним два воина.

– Эх, Финвал, Финвал, – добродушно протянул молодой человек. – Совсем ты, видно, состарился, раз не узнаешь сына своего хозяина!

– Тьфу ты, проклятая близорукость! – обругал сам себя старик, приглядевшись к гостю попристальней, и тут же принялся извиняться: – Простите, господин Аметисто, не признал. Да и то сказать, очень уж Вы изменились с тех пор, как в последний раз были дома. А это кто с Вами, Ваш приятель?

– Да, да, – поспешно ответил Аметисто и добавил: – Давай, впусти нас поскорее, мы промокли, продрогли и проголодались.

Тяжелая дверь заскрипела, и гости вошли во двор. Финвал, откашлявшись, зычно, почти по-молодому, позвал по-

мощника, и тот проворно занялся конями, а Аметисто и его спутник направились в дом.

– Эй, Ульва, встретить молодых господ, – крикнул старик, приоткрывая дверь.

Выбежавшая навстречу прибывшим молодая горничная всплеснула руками:

– О, великий Гидрос, к нам гости! – и бросилась звать хозяина.

– Эх, молодо-зелено, сразу видно, что недавно на службе, никакой степенности и выучки, – бросил Финвал, но его глаза лучились добротой, и видно было, что его ворчание всего лишь для фасона перед прибывшими.

На пронзительный голос служанки с верхнего этажа спустился сам купец Омар. Его величественная фигура и солидное выражение еще не старого лица без всяких слов говорили о его высоком положении в городе.

– Какие гости! – полуторжественно—полунасмешливо произнес хозяин дома, который тут же узнал своего старшего сына, хотя не видел его много лет. – Как жаль, что матушка не дожила до этого дня... Пойдемте, вы перемените платье, а я буду ждать вас в гостиной.

Через некоторое время Аметисто и его спутник явились в старую гостиную, где все было так, как запомнилось магу с детства. Отец признавал новшества только в области торговли, а убранство дома предпочитал консервативное, прочное и надежное.

– Ну, садитесь, садитесь, – ласково пригласил сына и его спутника купец. – Отведайте домашнего угощения. Нынче как никогда был прекрасный улов сельди, да и виноградники принесли достойный урожай. . .

Аметисто с удовольствием слушал неторопливую речь отца, которая возвращала его в детство, а сам по уландийскому обычаю не спешил отвечать. Это позволяло собраться с мыслями и решить, как представить своего спутника и что сказать по этому поводу. Отец тоже не спешил, внимательно оглядывал возмужавшего Аметисто, удивлялся про себя странноватому виду его товарища, который был, пожалуй, слишком юн для опытного бойца, и терпеливо ждал, пока гости отведают всех блюд, выпьют вина из его, Омара, собственного погреба, и тогда разговор перейдет в более деловое русло. Наконец, когда все витиеватые фразы, которые обычно произносились в Уланде при встрече близких родственников, были исчерпаны, купец, с достоинством погладив бороду, вздохнул и спросил:

– И надолго ты к нам?

– Как получится, – неуверенно протянул Аметисто. – Я думаю поступить в местную магическую гильдию.

– Это хорошо, – порадовался купец, надеясь, что старший сын не претендует на участие в деятельности торгового дома. – Скажу тебе прямо, когда ты уехал в Альмарино, я считал тебя за отрезанный ломоть, и все делаю вместе с твоим братом. Пока я им доволен.

– Я не думаю, что способен к торговле, слишком долго занимался только одной магией, а в последнее время пришлось и повоевать.

– Да, мне приходилось слышать обо всех этих событиях. Мы тут, в Уланде, тоже, сложа руки, не сидели. Хорошо, что теперь все закончилось. Кстати, пора тебе, наконец, представить товарища. Ты, верно, с ним в походе познакомился?

– Да, отец, но только это не товарищ, а моя невеста, – сочтя момент подходящим, заявил маг.

– Невеста, говоришь? – переспросил отец. – Интересно... А может быть, уже жена? Я-то знаю, вы, маги, женитесь по своим магическим обычаям, не спрашиваете благословения у родителей...

– Нет, отец, именно невеста. Я решил, что женюсь на родине, по нашим уландийским обычаям, и обряд должен быть проведен в главном храме Гидроса.

– Ну и уважил, сынок! Я и не надеялся, что ты вспомнишь старинные традиции, – скрывая за легкой усмешкой свою радость, протянул Омар. – Ради такого случая даю тебе благословение и даже не стану спрашивать, какого роду-племени твоя избранница. Она будет принадлежать к нашему славному роду.

– Ты только не думай отец, что моя невеста, а ее зовут Сапфира, какая-нибудь бродяжка. Она из древнего дворянского рода, но осталась сиротой и вынуждена была жить в Лиге Скорпиона.

– Да уж, удивил, сынок! Взять в жены скорпионицу... И как ты только решился на это? Неужели выкрал из монастыря?

– Нет, что ты, отец, ее отпустили за воинские заслуги, в честь победы над уфистами, хотя и не без участия магии.

– Ну и ну! Сколько всего сразу! Мне, старику, столько и не переварить.

– Ну, какой ты старик, отец! – возразил радостный Аметисто, осознавший, наконец, что получил в родном доме самый теплый прием. Все тревоги долгого пути оставили его. Сапфира вела себя самым скромным образом, как она привыкла в Лиге. Ее молчание, опущенный взгляд понравились Омару, который и не предполагал, что когда-нибудь ему придется гулять на свадьбе старшего сына.

Подготовка к свадьбе началась на следующий же день. С утра купец Омар приказал проверить все винные подвалы, посчитать, сколько гостей будет на предполагаемом пиру, заказать лучшие в городе украшения для пиршественного зала и послать слугу в храм Гидроса, узнать у тамошних жрецов, когда следующий благоприятный день. Оказалось, что этот день будет через две недели.

– Но это слишком скоро! – испугался Аметисто

Он совершенно не представлял себе, как научить невесту всем правилам купеческого этикета, которые и сам успел подзабыть. Труднее всего оказалось подобрать для Сапфиры

подобающий наряд, ведь девушка с детских лет не надевала платья, понятия не имела о том, как носят туфли на каблуках, которые в Уланде почитались обязательным атрибутом невесты, а уж ее скорпионьи косички и вовсе представляли собой что-то неслыханное. Жених стеснялся помочь избраннице сам и не придумал ничего лучшего, как пригласить специалистку из дамского салона красоты.

– Какой ужас! Что это у Вас на голове, милочка! – было первое, что услышала Сапфира от немолодой, но самоуверенной и спесивой особы. – Придется отрезать эти нелепые косички. Волосы, конечно, не отрастут за две недели, но я предоставлю Вам самый лучший парик. Вы будете просто обворожительны.

Бедная воительница не стала возражать. Она почувствовала себя совершенно не в своей тарелке, когда Аметисто, почему-то решивший полностью следовать всем местным обычаям, совершенно отдалился от нее.

Вместо упражнений с мечом и обычной работы по хозяйству, к которым Сапфира привыкла за годы жизни в Лиге Скорпиона, девушку ожидали уроки танцев, изучение традиционных вежливых фраз, которые в Уланде были цветисты, как нарядные городские клумбы, а также необычных местных правил и обрядов храма Гидроса. Госпожа Лебеда, считавшая себя лучшей специалисткой по этикету, принялась не только учить ее ходить на каблуках и принимать жеманные позы, что Сапфира переносила только благодаря много-

летней привычке к послушанию, но и, входя в роль, так сказать, «учительницы жизни», нередко нашептывала ей:

– Милочка, Вы совершенно не умеете кокетничать. Ваш взгляд ровно ничего не выражает. Послушайте, если Вы не переменитесь, жених может разлюбить Вас.

Эти слова подействовали на Сапфиру не лучшим образом. Всегдашняя сдержанность девушки дала трещину, и она самым, что ни на есть, ледяным тоном, каким привыкла шпынять новеньких, которых ей поручали в обители, заявила:

– Послушайте, сударыня, насколько я понимаю, Вас пригласили для того, чтобы подобрать мне наряд, научить танцам и подобающим манерам, а Вы вместо этого пристаёте ко мне с ненужными советами! Если Вы не прекратите, я пожалуюсь Аметисто, и он наймет другую даму.

– Ах, что Вы, что Вы, милочка, – испугалась та, боясь потерять выгодный заказ. – Я только хочу самого лучшего для такой достойной особы.

Уроки танцев и изящной походки были продолжены с прежним усердием. Сапфире было не привыкать терпеть трудности, и она воспринимала каблуки, узкое платье и прочие уландийские причуды со стойкостью истинной дочери Лиги Скорпиона. Более того, все это в какой-то мере скрашивало девушке вынужденное одиночество, и отвлекало ее от печальных мыслей, которые не обходят ни одну невесту.

Наконец наступил день свадьбы. Дождь, как это часто бы-

вало в Уланде в зимние месяцы, уныло капал, мокрые ветки колотили в окно старого дома, и настроение у Сапфиры было под стать невнятной и туманной погоде. За две недели ей толком ни разу не удалось поговорить с Аметисто, она большую часть времени проводила в своей комнате, занимаясь вещами, которые совсем не казались ей важными и интересными.

– Ах, дорогая! – воскликнула с порога госпожа Лебеда. – Что это у Вас глаза только что не на мокром месте? Можно подумать, Вас насильно выдают замуж. Конечно, невесте не пристало радоваться в открытую, чтобы не навлечь неприятностей со стороны злых морских духов, но Вы чересчур перегибаете палку. Ну, улыбнитесь, милочка, осталось всего три часа до церемонии. Сейчас принесут Ваш свадебный наряд, а потом сделают Вам великолепную прическу.

– Я Вам не дорогая и не милочка! Извольте называть меня, как положено, «госпожа Сапфира» – строго проговорила Сапфира, которая сама ни за что не хотела называть свою учительницу по имени, и обращалась к ней исключительно «сударыня».

– Хм, мои уроки пошли Вам на пользу, Вы уже не фамильярничаєте с теми, кто стоит ниже Вас, – не без яда отметила госпожа Лебеда. – А теперь давайте займемся Вашим нарядом.

Наряд действительно оказался необыкновенным. Пышное голубое платье, расшитое по всему подолу незабудками,

как будто напоминало о летних днях. Густая вуаль тоже отливала голубым цветом. Сапфиру больше всего обрадовало то, что платье было с глухим воротом и огромным количеством рюшек и складок, а не с открытым вырезом по последней уландийской моде. Разглядев незабудки, девушка невольно заулыбалась, потому что, честно говоря, побаивалась, что платье украсят изображениями морских звезд или медуз. Но какова же была ее досада, когда туфли оказались больше, чем требовалось.

– Да не волнуйтесь Вы так, – утешила ее блюстительница этикета. – Хуже было бы, если бы они оказались малы. А так – можете гордиться изящной ножкой. Не думайте, Вам не придется много ходить, а подход к алтарю Гидроса как-нибудь выдержите.

На голову невесты водрузили солидный белокурый парик по самой последней моде, детали которого, конечно, не были видны под вуалью. Взглянув на себя в зеркало, воительница только пожала плечами, ей казалось, что на голове у нее то ли орлиное гнездо, то ли башня мага.

– И светлые кудри мне не идут, – огорчилась она.

– Отлично, просто отлично! – восхищалась тем временем госпожа Лебеда, подобно ремесленнику, хвалящему свое изделие, а про себя с самодовольством думала: «Подумать только, из такой неотесанной особы я в короткий срок создала вполне приличную витрину для демонстрации богатства купца Омара».

Поскольку у Сапфиры не было в Уланде ни родных, ни подруг, в свадебной карете она оказалась все с той же госпожой Лебедой. Та довольно улыбалась, ведь, несмотря на некоторую бесцеремонность, не была злой женщиной, и через пару минут, побуждаемая самыми теплыми чувствами по отношению к своей подопечной, надумала пошептаться с невестой на такую тему, которую обычно втихомолку поднимают перед свадьбой матери или старшие замужние сестры:

– Знаете, милочка, Вам, к сожалению, некому рассказать о некоторых тайнах, которые надо бы знать выходящей замуж. Не сочтите за бестактность, но я хотела бы...

Сапфира, хотя и была погружена в свои мысли, сразу поняла, о чем желает говорить ее нежелательная спутница:

– Увольте меня, сударыня, от Ваших поучений, – раздраженным тоном прошипела бывшая воительница. – Неужели Вы воображаете себе, что мне нужны инструкции на так называемые деликатные темы. Отстаньте от меня, наконец.

– Однако, Вы не особенно вежливы сегодня, – скривилась госпожа Лебеда, которая, наконец, окончательно поняла, что Сапфира вряд ли захочет прибегать к каким-либо ее услугам после свадьбы, а она так на это надеялась.

Но продолжать разговор дама не решилась, поскольку карета уже подъезжала к храму Гидроса. Здесь их встречал Аметисто с младшим братом и двумя доверенными лицами. По мокрым мраморным ступенькам храма маг медленно повел свою избранницу к главному входу. Дверь была открыта,

и служители храма в темно-синих одеяниях ожидали их.

– Войдите, дети мои, и пусть великий Гидрос благословит ваш союз! – провозгласил верховный служитель, и молодые люди двинулись к центру храма, где вечно текущие струи фонтана, посвященного среднему сыну Закона, поднимались хрустальным потоком к высокому куполу.

По знаку верховного служителя началось песнопение во славу бога воды и воздуха. В песне восхвалялись деяния великого Гидроса, желалось, чтобы счастье брачующихся было безграничным, как морские просторы, богатство несчетным, как песок на дне, а потомство многочисленным, как косяки океанских рыб. Это древнее сочинение было столь длинным и протяжным, что напоминало неумолчный морской прибой. Аметисто, слушая его, вспоминал детские годы, игры на берегу моря, и тихонько улыбался про себя, а Сапфира мысленно произносила привычные молитвы Триединству. Так, погрузившись каждый в свои мысли, они стояли, подобно статуям морских существ в нишах храма. Наконец песня окончилась, и раздался громкий возглас верховного служителя:

– Великий Гидрос повелевает вам испить из священной чаши и принести клятву верности друг другу.

Он поднес чашу сначала Аметисто, потом Сапфире, которой пришлось приподнять вуаль, чтобы исполнить обряд, после чего дал им в руки свитки с текстом, который они должны были произнести:

– Я клянусь оберегать свою супругу так же, как скалы защищают берег во время бури! – первым произнес маг.

– Я клянусь быть нежной и ласковой, как волна в тихий солнечный день! – отозвалась девушка.

После этого было произнесено еще много других важных клятв, которые, если бы все супруги соблюдали их, наверное, принесли бы им благоденствие и гармонию, затем верховный служитель окропил молодых водой из священного фонтана Гидроса, они низко поклонились и медленно двинулись к выходу.

Свадебный пир был устроен в большой зале в доме купца Омара. По случаю торжества были приглашены все друзья с супругами и взрослыми детьми, торговые партнеры, представители гильдии магов, служители Гидроса – в общем, весь цвет Уланды. Сапфира и Аметисто по обычаю сидели на почетном месте, и им к их великой радости не требовалось ни говорить застольных речей, ни даже танцевать. Все это с успехом делали гости, которые радовались возможности польстить именитому купцу, а между собой обсудить городские новости, возможные новые сделки, похвастаться нарядами жен, посоветоваться о возможных будущих браках подрастающих детей – в общем, использовать торжество по-купчески, с пользой. Постепенно, однако, гости, попробовав лучших вин Омара, стали менять темы разговора. Кое-кто затянул веселые песни, которые были приняты на свадьбах в Уланде, и эти песни по большей части не были образчи-

ком благопристойности. Да и застольные речи перешли уже к весьма и весьма вольным пожеланиям молодым. Сапфира, уставшая от тесного платья и парика, в котором ее голове было ужасно жарко, мало обращала внимания на подобное, тем более что в походах ей порой приходилось слышать еще и не такое, а Аметисто его деликатная натура заставляла морщиться и желать скорейшего окончания пира. Вскоре начались танцы, в которых, кроме молодежи, неожиданно рванулась принять участие госпожа Лебеда. Она так лихо отплясывала, что сломала каблук, и если бы не любезность и ловкость кавалера, оказалась бы на полу в самой непризентабельной позе. Однако, вместо того, чтобы потихоньку поблагодарить молодого человека, она набросилась на него с упреками.

– Кажется, моя учительница здорово выпила, – не без злорадства подумала бывшая воительница, когда Аметисто потихоньку поманил к себе одного из слуг и попросил поделikatнее проводить означенную особу к выходу.

Глава 2. Испытание повседневностью

К счастью, больше на свадьбе никаких происшествий не было. Никто не подрался и не упился до лежания под столом, невеста не упала в обморок, а жених умудрился сохранить достойный и солидный вид. Так что городским кумушкам не досталось ничего, о чем можно было бы посудачить на каждом перекрестке. Мало того, никто не узнал о прошлом Сапфиры, которую представили гостям, как девушку знатного, но обедневшего рода, сироту из Эйдалон-Бравира. Такие свадьбы были не редкостью в Уланде, богатые купцы охотно брали в жены дворянских девушек, полагая в этом особый шик и престиж. В свое время так поступил и купец Омар, и Аметисто получил свое имя, более приставшее магу, чем сыну уландийского купца, именно по настоянию матери.

– Мне надоели эти морские штучки! – сердитым голосом заявила женщина, которая старалась и в Уланде сохранить хотя бы часть своей дворянской гордости, несмотря на то, что ее род обеднел, и ей пришлось выйти замуж за купца, посетившего столицу.

Омар, обрадованный рождением первенца, согласился с высокогородной супругой, с которой не спорил по вопросам, не имевшим отношения к делам. Однако второго сына все-

таки назвал по-своему, обычным уландийским именем, Лангусто. Теперь благородной дамы уже не было в живых, и после ухода старшего сына в магическую академию, Омар возложил все надежды на младшего, который за прошедшие годы сумел перенять от отца все знания, которые были нужны для успешного процветания торговли.

Наутро после свадебного пира Лангусто сидел в гостиной, попивая свой утренний кофе. Когда вошел Аметисто, младший совладелец торгового дома «Жемчужный берег» решился, наконец, поговорить с братом о том, что волновало его с тех пор, как тот появился дома:

– Присядь, брат, – начал он издали назревший разговор. – Давай выпьем за здоровье твоей супруги. Пусть она будет счастлива и радостна, как морская чайка в солнечную погоду.

– Спасибо, брат, – усмехнулся Аметисто. – А ты, я смотрю, не без красноречия. Но не стоит тратить на меня изысканные фразы. Я ведь понимаю, ты хочешь поговорить совсем не о красоте моей жены. Не стесняйся, мы братья, хотя и давно не виделись.

– Да, ты прав, я действительно хочу узнать, чем ты намерен заниматься в Уланде.

– Не волнуйся Лангусто, – сказал чародей, мгновенно поняв, куда клонит его брат. – Я не собираюсь вмешиваться в торговые дела. Чтобы быть купцом, нужно иметь тягу к этому, а маги всегда были плохими торговцами. Так что веди

дела с отцом так, как будто я и не приезжал, а я поищу себе места в гильдии, хотя если будет нужно, то для семейного успеха готов магически обеспечивать снаряжение кораблей.

Лангусто стало стыдно, что он заподозрил брата в желании встать у него на дороге, и он прекратил разговор, предложив еще один тост за удачу, после чего братья, улыбнувшись друг другу напоследок, разошлись.

К великой досаде Аметисто, никакой должности в гильдии ему не предложили, хотя как сыну уважаемого в городе купца и выпускнику академии позволили беспрепятственно пользоваться библиотекой и некоторыми мастерскими, где он и стал пропадать целыми днями.

А что же Сапфира? Что не говори, а в проницательности ее наставнице, госпоже Лебеде, отказать было нельзя: кое-каких женских добродетелей у бывшей воительницы действительно недоставало. Она была мила, ровна в общении со всеми родственниками и слугами, и к Аметисто относилась с глубоким теплым чувством, но проявить его как должно оказалось для нее совершенно невозможным.

– И зачем я выходила замуж, – временами думалось ей, когда казалось, что самое лучшее их с Аметисто время осталось далеко позади, на дороге между Стефенширом и Аль-марино.

Улеглись предсвадебные заботы, и молодая женщина некоторое время не знала, чем себя занять. На кухню ей хо-

да не было, там трудились слуги, сад который день мок под дождем, и, глядя на прозрачные струйки, стекающие по мутноватому окошку, она не без печали вспоминала свои такие деятельные дни в Лиге. В конечном итоге Сапфира не нашла ничего лучшего, как заняться изучением немногочисленной библиотеки купца Омара. Книг было не много, в основном обнаруживались старинные сборники заклятий погоды, труды по методам успешной торговли и способам обработки жемчуга для его лучшей сохранности и придания ему различных окрасок. Не очень-то интересное чтение для бывшей воительницы. Однако вскоре среди старых, подчас потрепанных томов отыскивались тиндорско-катахейский словарь, пара романов на тиндорском языке и описание географии этой удаленной земли. Сапфира принялась всерьез учить чужой язык и мечтать о весне, когда выйдут в море корабли, и, может быть, они с Аметисто отправятся в таинственный Тиндор, где ее скучным будням настанет конец, а умелым рукам найдется долгожданное применение.

В один из таких однообразных дней, проходя мимо кухни, Сапфира услышала оживленную беседу слуг и остановилась.

– Эх, ты, молодой балбес, – по-старчески ворчал Финвал, обращаясь, как видно, к кому-то из помощников повара. – Сидишь тут на кухне, чистишь овощи, а не знаешь, что у нас в городе открылась школа бойцов. Именитые купцы, помня о последнем нашествии джеггов, наняли подходящий зал на улице Магнолий и дали средства, чтобы учить всех же-

лающих воинскому мастерству. В эту школу, говорят, даже бедняков принимают, лишь бы способности и храбрость были. И ты бы попробовал, вон какой силач, мешок муки поднимаешь, как пушинку.

– Нет, дядя, я драться не люблю, мне уж лучше тут на кухне, в тепле, – раздался в ответ молодой басовитый голос.

– Ну и дурак ты! – выбранился старик. – Так и состаришься здесь, возле котлов, пока другие добывают славу и деньги.

– Нет уж, нет уж, знаем мы эти бойцовские школы! Вон недавно в таверне видал двоих: у одного под глазом синяк и нос на сторону, а у другого рука подвязана. Кому это надо? Уж точно не мне.

– Тьфу на тебя, слушать противно, мне бы твои годы и твою силу, уж я бы не упустил случая...

У хладнокровной обычно Сапфиры сердце застучало так, что она опрометью бросилась к себе в комнату, будто боясь, что кто-то может заметить ее волнение, хотя в коридоре никого не было.

– Вот оно! Наконец-то у меня появился шанс изменить свою унылую жизнь, вернуть свое мастерство, тренироваться так, как я привыкла в Лиге, – шептала она сама себе в радостном предвкушении.

На следующий день, когда Аметисто по обыкновению отправился в библиотеку, Сапфира, облачившись в свой прежний костюм, потихоньку вывела лошадь из конюшни и поехала в школу бойцов. Она не боялась, что об этом могут

узнать, поскольку Финвал, который выпускал ее за ворота, не имел привычки выспрашивать, кто из семейства куда направляется. Потихоньку узнавая дорогу у встречных горожан, воительница добралась до приземистого, похожего на склад, строения на улице Магнолий. Отворив скрипучую дверь, Сапфира вошла в слабоосвещенный зал, посреди которого лениво перемахивались деревянными мечами двое юношей. Видимо, никто не присматривал за ними, и парни пользовались возможностью немножко полодырничать.

– Эй, ребята, где у вас тут начальство? – спросила воительница.

– Начальник школы у себя в кабинете, – один из тренировавшихся указал в угол зала, где в полутьме виднелась затворенная дверь.

На стук из-за двери раздался низкий и довольно строгий голос:

– Входите, начальник школы бойцов славной Уланды готов Вас принять.

Войдя в так называемый кабинет, который на деле представлял собой небольшую комнатку, в которой помещались только стойки для оружия, солидный дубовый стол и несколько простых, но хорошо сколоченных табуретов, воительница оказалась лицом к лицу с самим начальником. В движениях уже далеко не молодого человека все еще чувствовалась сила воина. Волосы его были полностью седыми, и поэтому нельзя было определить, были ли они когда-то

темно-русыми или черными. Он молодцевато и упруго вско-
чил со своего табурета ей навстречу:

– Приветствую Вас, милостивая госпожа. Отставной пол-
ковник королевской гвардии Дельфиниум к Вашим услугам.

– Приветствую Вас, – несколько удивленно отозвалась
Сапфира. – Но я не госпожа, а воин.

– Ну, уж извините, – на лице полковника мелькнула на-
смешливая улыбка. – Не Вам дурить голову мне, старому
офицеру. Много нынче стало девиц и дам, которые после
недавних событий возмечтали о подвигах. Нацепят доспехи
и начинают изображать героев. Лучше садитесь, и рассказы-
вайте, зачем пожаловали.

Сапфира почувствовала некоторую неловкость, но делать
было нечего:

– Я из Стефеншира, мне довелось участвовать в недавней
войне, и теперь я хочу быть полезной школе бойцов. Прошу
испытать меня.

– Интересно, посмотрим, что ты умеешь, – опять усмех-
нулся начальник и взял со стойки два учебных меча.

Дельфиниум был не слишком уверен в том, что молодая
женщина покажет блестящие навыки, однако уже очень ско-
ро понял, что она достойно владеет оружием.

– Ну что ж, Вы показали себя с самой лучшей стороны, –
не скрыл восхищения он, когда поединок закончился. – Хо-
тя... Сколько времени Вы не тренировались?

– Больше месяца, – честно призналась Сапфира.

– Это чувствуется, пару ударов Вы пропустили явно из-за недостатка тренировки, – произнес начальник школы, возвращая мечи на стойку. – Скажите, а Вы имеете какое-то отношение к Лиге Скорпиона? Некоторые Ваши приемы явно из их арсенала.

– Меня в свое время учила одна из скорпиониц, – медленно проронила Сапфира, не желая раскрывать свою историю.

– Ну ладно, не хотите рассказывать и не надо. У меня сейчас такой недокомплект преподавателей, что выбирать не приходится. Вы, пожалуй, подойдете даже для старшей группы, вон, поглядите, какие олухи приходят к нам. Только и радости, что силачи, а разумения маловато. Умные-то молодые люди в Уланде все больше идут по торговой или магической части.

– Ничего, – сказала воительница, – буду учить тех, кого Вы мне предоставите, и да поможет нам Триединство.

– Ну что ж, тогда по рукам. Только вот, не хотелось бы, чтобы так уж сразу всему городу стало известно, что у нас в школе преподают женщина. Вы уж, пожалуйста, приобретите маску посуровее и в ней работайте. Да и имя Вам нужно какое-нибудь солидное.

– Мое имя Арифас, и я не собираюсь его менять.

– Ну ладно, сгодится. Такого имени я еще никогда не слышал, сойдет за иноземное, и придаст шику школе, – снисходительно улыбнулся Дельфиниум и вдруг совершенно неожиданно добавил: – Вон, погляди, у меня на стенах ка-

бинета какие грамоты и дипломы с орлами и драконами, один другого краше. Что ты думаешь, я их получил на турнирах? Боевому офицеру некогда заниматься такими пустяками. Мне их изготовил знакомый художник. А что? Надо же купцам пыль в глаза пустить, чтобы жертвовали охотнее на нужды школы.

После таких признаний и столь легкого перехода на «ты» Сапфира почувствовала себя с новым начальником почти так же, как если бы она вернулась в Лигу, где, несмотря на всю строгость, не было принято разводить церемонии во-круг обычных вещей. Теперь воительница каждое утро выезжала на своем коне из ворот, и все в доме знали, что она направляется на конную прогулку. Молодая женщина отлично справлялась со своими обязанностями, получала неплохое жалованье, и ее стали уже меньше печалить не вполне внятные отношения с мужем.

Аметисто окончательно решил сделаться вольным магом по найму. Однако время было зимнее, корабли стояли в порту, и не нужно было наколдовывать хорошую погоду и загонять рыбакам рыбу в сети. Единственное, что ему оставалось – это целительство, да и то в богатые семьи его не приглашали, хватало гильдейских магов. Зато когда молодой чародей излечил Финвала от застарелой болезни суставов, тот рассказал про такое дело слугам из других домов. После этого к Аметисто потянулись простые уландийцы. Цену воль-

ный штормовик не назначал, брал, сколько дадут. Он бы и вообще лечил бесплатно, но это было против магических правил, да и деньги на снадобья не хотелось просить у отца.

– И так я с женой живу на всем готовом, – сокрушался он иногда и тут же успокаивал сам себя: – Ну, ничего, весной отработаю, когда настанет пора снаряжать отцовские корабли.

Сегодня его позвали на самую окраину, в бедную рыбацкую хижину: девочка лет пяти с небольшим горела в лихорадке.

– Ну, с этим я легко управлюсь, – решил Аметисто.

Он дал ребенку положенные в таких случаях лекарства, от которых жар сразу начал спадать, оставил матери необходимые снадобья для дальнейшего лечения и уже собрался, было, уходить. Мать с сияющим лицом подошла к нему:

– Господин маг, нам, к сожалению, нечем заплатить... Не согласитесь ли Вы выпить стаканчик домашнего вина за выздоровление дочурки?

Глаза женщины сияли такой благодарностью, что отказаться маг не смог, уселся за потемневший, ничем не покрытый стол и выпил за здоровье маленькой пациентки. Тем временем вернулся муж женщины:

– О, кто у нас! – пробасил он с порога. – Знаменитый помощник бедняков!

– Ну что Вы, что Вы, – не на шутку смутился Аметисто.

– Давай, еще по стаканчику! За мою дочурку! – словно

не замечая этого, предложил хозяин.

Они выпили сначала за дочурку, потом еще – за новые уловы, за будущий урожай винограда и за славную Уланду. Аметисто был счастлив. Ему давно не приходилось чувствовать себя таким нужным и удачливым. Когда он вышел из гостеприимной лачуги, звезды улыбались ему, безветренная тишина навевала самые приятные мысли, и он побрел к своему дому неспешно, пожалуй, впервые после прибытия в родной город не чувствуя себя не в том месте и не в то время.

Из переулка вышла группа молодых людей. В свете одинокого фонаря Аметисто разглядел, что в этой компании были и богато одетые юноши, и откровенные оборванцы. Но не успел маг толком сообразить, что к чему, как они двинулись прямо на него. Хорошо одетый юноша с наглым красивым лицом подошел к чародею совсем близко:

– Эй, ты, огонька не найдется?

– Я не курю, – вежливо ответил Аметисто.

– Не куришь? А деньги у тебя есть?

– Да вы, что, ребята, такой приятный вечер, да и на нищих вы что-то не похожи... – начал, было, молодой маг.

– Он нас оскорбил! Обозвал нищими! И денег у него нет! – со злобной усмешкой обратился богато одетый парень к своим спутникам.

– Ах, у него ничего нет! Тогда пусть почистит нам ботинки! – тут же заявил один из них.

Аметисто, не вступая в дальнейшие перебранки, попытал-

ся ретироваться, но чуть было не был сбит с ног жестоким ударом.

– Тьфу, чтоб вас! – зарычал маг, бросаясь в драку.

Но силы были неравны. Удары посыпались на волшебника со всех сторон, его сбили с ног... Дальше он уже ничего не помнил. Очнувшись, штормовик увидел над собой лицо главы магической гильдии:

– Ну, что, герой, пришел в себя?

– Что со мной произошло? – испуганно спросил молодой человек.

– Он еще спрашивает, что с ним произошло! Безобразие! Неконтролируемый выброс избыточной магической энергии! Превышение пределов необходимой самообороны! Да знаешь ли ты, что твой отец уже бегает по городу и платит отступное! Ты переломал кости нескольким сыновьям очень влиятельных родителей и хорошо еще, что никого не убил! – глава магической гильдии был сильно разгневан.

– Но они на меня напали, – попытался оправдаться Аметисто, тут же вспомнив ночное происшествие.

– Подумаешь, мог бы и меньшим отбиться, без тяжких повреждений! – старый маг все еще сердился. – Ты хоть понимаешь, что натворил?! Применить ураган в городских условиях! Теперь тебе уж точно не видать места в гильдии, а ведь я уже начал хлопотать за сына почтенного Омара. А теперь вставай и убирайся, карета подана!

Бедному Аметисто не оставалось нечего другого, как

с трудом подняться с лавки и поехать домой. Отец ничего ему не сказал, только невесело посмотрел на сына, а магу не хватило духу оправдываться и рассказывать все, как было. В коридоре к брату подошел Лангусто:

– Слушай, а ты здорово их отделал. Так им и надо, а то уже никакой управы на них не стало.

– Спасибо, брат, – только и смог ответить маг, убираясь в свою комнату.

Больше всего ему не хотелось видеть сейчас свою жену. Он слишком живо представил себе, как строгая выученица Лиги Скорпиона будет смотреть сочувственно, а сама думать, что уж она-то сумела бы победить без превышения требуемой силы.

После прогремевшей на весь город драки у Аметисто не осталось никаких надежд на получение постоянной должности. В гильдии он больше не появлялся, хотя продолжал усердно посещать библиотеку, спасал от болезней просто-народье, ставил обереги Гидроса на рыбацкие лодки, даже не гнушался лечить коз, которых бедняки считали кормилицами в зимнее время, когда уловы были невелики, а другой работы было мало. С каждым днем маг возвращался домой все позже и позже. Заработки оставались случайными, особой славы не приобреталось, и он не мог не печалиться о том, что продолжает жить на всем готовом в доме отца. Но, несмотря на такое незавидное положение, мысль о том, чтобы вернуться в Альмарино, казалась ему совершенно невоз-

можной. Его прежние магические занятия представлялись ему теперь мелкой забавой, по сравнению с которой даже излечение какой-нибудь дряхлой козы, составлявшей единственную отраду одинокой старушки, представлялось ему гораздо более благородным делом. Однако таких минут довольства собой у него было очень немного.

Общение с людьми простых и подчас грубых нравов, невнятное недовольство своими мизерными успехами делали молодого мага раздражительным, у него портился характер, и привычное почти дружеское отношение жены он уже почти совсем не мог выносить. Все чаще и чаще он проводил вечера в таверне, среди тех людей, которые искренне восхищались его умениями и готовностью прийти на помощь. Вот и сегодня он явился домой сильно навеселе. Дешевое улан-дийское вино, которым как водится, щедро угощали его те, для которых он не жалел магии, привело его в прекрасное расположение духа:

– И что же это я так давно не проводил ночь с Сапфирой? Жена она мне, или нет? – подумал маг и, улыбаясь самой лучшей, по его мнению, улыбкой, даже не постучав, ввалился в комнату супруги.

Молодая женщина сидела в кресле, читала солидных размеров книгу и с совершенно отсутствующим выражением лица обернулась на скрип двери.

– Сапфира, дорогая, – медленно протянул маг, еще не придумав, что же он будет говорить дальше.

Его жена, сразу поняв, что он сильно пьян, настороженно встала с места.

– Послушай, Сапфира, я ведь люблю тебя, – еле ворочая языком, продолжал чародей. – Почему ты избегаешь меня, я тебе муж или не муж...

– Когда ты в таком состоянии, ты мне не муж, – неожиданно для Аметисто сурово отчеканила воительница.

Глаза у мага от удивления сделались квадратными. Казалось, еще секунда и молния сорвется с его дрожащих пальцев.

– Сейчас же успокойся, – холодно прошипела воительница. – Даже я знаю, что в пьяном виде магические штучки не получаются. А без магии я сильнее тебя, так что закрой дверь с другой стороны и ступай, проспись!

В этот момент магу показалось, что за нежными чертами его супруги проступают совсем другие черты, как будто бы на него смотрит сама госпожа Сердолика, и ее взгляд не сулит ничего хорошего. В ужасе Аметисто вылетел за дверь.

После этой, незначительной на первый взгляд, размолвки между молодыми супругами окончательно установились корректные, но совсем не естественные отношения. Они встречались большей частью утром за завтраком, Сапфира была весела, приветлива и никогда не спрашивала, почему маг опять не приходил к ней с вечера как примерный супруг. А у него не хватало смелости что-то изменить. Ему казалось, что жена презирает его за неустроенное положение, именно

поэтому так холодна, и даже, кажется, разлюбила.

Однажды маг вернулся не так поздно, как обычно, хотя в доме все уже уgomонились. Он потихоньку прошел по коридору к комнате жены, полагая, что, наконец, надо бы зайти, но, услышав тихий перебор струн, остановился возле двери. А в это время Сапфира запела песню:

Ты помнишь, вставали мы рано с утра,
Искали фиалки в лесу,
Сидели под вечер вдвоем у костра,
И падали звезды в росу.
Свои сладкозвучные трели в кустах
Всю ночь выводил соловей,
Весенняя радость светилась в глазах
Двух верных счастливых друзей.

Ты помнишь, нес ветер на крыльях с полей
Нам запахи трав и цветов,
С тобой мы удили в пруду карасей:
Хорош и велик был улов.
Низали на нитки для сушки грибы
И верили свято в одно:
Что в мире добрей и прекрасней судьбы
Еще никому не дано.

Хоть время, как конь быstroногий бежит:
Попробуй его догони,
Волшебница-память в душе воскресит

Все самые лучшие дни.
Когда переполнено сердце тоской,
Сгущаются тучи вокруг,
«Ты помнишь, – тебе говорю я порой,
– Какими мы были, мой друг?»

Самые обычные слова показались чародею наполненными такой грустью, и таким неуместным привиделось ему его вечернее посещение, что рука сама собой сползла с круглой медной ручки, которая уже успела стать теплой. Аметисто тихонько пошел к лестнице на первый этаж, чтобы отправиться на ночлег в комнату, успевшую стать его кабинетом. Когда он спускался с последних ступенек, дверь небольшой комнатки под лестницей отворилась, и послышался нежный голосок:

– Молодой господин, чему Вы так печалитесь?

– А, это ты, Ульва. Я не печалюсь, я просто устал.

– Не грустите, господин мой, зайдите лучше ко мне. Вчера мне прислали из деревни замечательную вишневую наливку.

Маг, не гнушавшийся выпить стаканчик-другой и побеседовать со слугами, прошел в тесную, но уютную каморку. В полутьме при свете простой свечи была видна аккуратная кровать с двумя пухлыми подушечками, украшенными самодельными кружевами из суровой нити, которыми славились окрестные деревеньки. На столе устроился глиняный сосуд, очевидно с той самой наливкой, кучка сдобных сухариков и орешков в маленькой глиняной же плошке

и несколько простых кружек. Вся каморка дышала теплом, уютом и была похожа на самую девушку, пухленькую, с румянцем во всю щеку и веселыми светлыми кудряшками. Небольшой очаг, в котором жарко горел огонь, довершал ощущение покоя.

– Садитесь, молодой господин, – радостно прошептала хозяйка комнатухи. – Попробуйте наливки. Нынче был замечательный урожай вишен. А сухарики я сама сушила.

Ее нежные пухлые ручки так и мелькали, наливая ароматное домашнее вино, придвигая поближе сухарики, вынимая из кулечков на полочке над столом засахаренные фрукты, видно, тоже из деревенских гостинцев. Аметисто, выпив наливки и согревшись, почувствовал себя совершенно размякшим и довольным. Его магические неудачи и невеликие заработки, Сапфира с ее досадной холодностью остались где-то за порогом комнатки. Девушка, которая тоже выпила наливки, тихо погладила своего гостя по руке.

– Скажи, Ульва, а как тебе удастся сохранить такие красивые, нежные ручки? – спросил Аметисто.

– А, и ты заметил, мой господин, – проворковала счастливая служанка и добавила, лукаво улыбнувшись: – Не только у магов есть свои секреты.

Теплый воздух от очага, тягучий запах наливки, напоминающий лето, ласки сидящей рядом Ульвы – много ли нужно человеку для счастья, даже если он маг?

Когда девушка уснула под своим разноцветным лоскут-

ным одеялом, Аметисто оделся и, тихонько притворив дверь, отправился к себе. Хмель уже успел выветриться из его головы.

– Зачем? – думал он, подходя к своему кабинету. – Зачем? Ведь у меня никогда не будет с ней ничего иного, чем то, что случается у господина со служанкой.

Однако на следующий же день чародей купил в лавке недорогое ожерелье из цветных камешков. Сняв несколько штук с краев, он заменил их заранее заговоренными бусинками. Ульва была несказанно рада подарку и не знала, что пока женщина носит такое ожерелье, у нее не будет потомства.

В начале месяца таяния снега, который в Уланде был таким только по названию, потому что снег здесь выпадал редко, Аметисто решился поехать в Стефеншир, полагая, что там он, может быть, найдет себе место в поредевшей магической гильдии. Он совсем не хотел брать с собой Сапфиру, но конечно, не потому, что сомневался в ее способности стойко переносить тяготы пути, а потому, что хотел обдумать и посмотреть все сам. Он не стал рассказывать жене о своих планах, а в тот день, когда конь уже был оседлан, а дорожный мешок собран не без участия нежных ручек Ульвы, просто пришел поутру к только что вставшей супруге и сообщил:

– Сапфира, дорогая, у меня появилась возможность съездить на короткое время в Стефеншир.

– И зачем тебе туда? – спокойно и без всякого любопытства поинтересовалась молодая женщина.

– Ну, может быть, там для меня найдется постоянное место в магической гильдии. Надоело быть магом без должности.

– А почему ты не приглашаешь меня с собой?

– Знаешь, – сказал чародей, – мне одному дорога обойдется дешевле, ведь заработки у меня малы, а братья у отца и брата...

– Что ж, поезжай и да пребудет с тобой благословение Триединства.

Если бы Сапфира заплакала или стала просить взять ее с собой, то может быть, Аметисто и не поехал бы в одиночестве. Но, услышав такое напутствие, он даже не решился на прощанье обнять жену как следует, только учтиво поцеловал ее ручки и вышел. За порогом его ожидало синее небо с пушистыми кучевыми облаками. Веселые переливы солнца искрились в лужах. Из-под копыт летела грязь, разбегались в стороны уличные мальчишки, и маг чувствовал себя таким же мальчишкой, которому впервые доверили самому скакать на лошади. Призрачная радость свободы, теплый ветер за плечом – что еще нужно для начала пути?

Подъезжая к Стефенширу, молодой маг увидел, что городские стены по-прежнему зияют большими провалами, а кое-где и отсутствуют вовсе. Снег лежал вокруг остова

города небольшими неровными пятнами, каменную кладку кое-где покрывала изморозь, похожая на застарелую плесень, а над полуживыми башнями звонко кричали галки. Подъехав к главным воротам, путник с изумлением отметил, что они выглядят как новенькие, а в окошке башни виднеется блестящая алебарда стражника.

– Ничего себе, – подумал Аметисто. – В стене столько провалов и мест, где легко можно пройти, а тут такое благолепие. Пожалуй, не надо спешить, а то еще пошлину потребуют.

И действительно, вскоре к воротам подъехало несколько тяжело нагруженных телег, и магу представилась возможность увидеть всю процедуру. Пока стражники разбирались с одним возницей, маг успел расспросить второго и узнать, что проезд через ворота и в самом деле недешев.

– Зачем, Вам, молодой господин, эти ворота, – сказал горожанин, ждавший своей очереди. – Они нужны здесь только тяжелым телегам, которые не пройдут в проломы. Кроме того, проезд через ворота включает и первую пошлину за право торговли. Если ее платить в городе, это обойдется дороже. Ехали бы Вы в обход, там для Вас много лазеек.

И Аметисто, развернув коня, отправился искать менее дорогостоящий путь.

Въехав в город, маг поразился его неприглядному виду. На месте домов простых обывателей тут и там оставались черные головешки, кое-где ютились лачуги, собран-

ные из чего попало, и вдруг, среди всеобщего запустения, возникал новенький, из лучшего известняка, с хитрыми башенками, особняк, которого явно не было раньше. Во многих местах шла стройка, причем все работники были джегги. Другие представители степного народа спешили по улицам с небольшими тележками, нагруженными товарами или строительными материалами. Казалось, во всем Стефеншире осталось совсем немного коренных жителей Катахеи. Удивительнее всего было то, что пока маг ехал по улицам, он не встретил ни одного джеггского ребенка или женщины. Наконец, с трудом объезжая стройки, завалы известняка и бревен, развалины, лужи и кучи мусора, Аметисто подъехал к зданию магической гильдии. К его удивлению, оно было почти таким же, как во время его первого приезда в степной город. На стук вышел хорошо знакомый ему старый маг шторма, который тут же узнал его:

– Какими судьбами, друг мой? Заходи, посидим, поговорим.

Устроив коня, Аметисто поднялся со стариком на второй этаж.

– Рад тебя видеть, коллега, – приветствовал его хозяин, наливая себе и гостю по чашке какого-то незнакомого Аметисто напитка.

– Я тоже рад, что ты уцелел. Как дела в гильдии?

– Увы, ее больше нет, – вздохнул старый маг. – Кто-то погиб, а кто-то ушел в другие края. Нас осталось всего трое, мы

лечим, немножко учим и ведем дела в храме Триединства.

– Ну, так наверно лишний маг вам не помешает?

– Что ты, нам и самим нечем кормиться. Нашего благородного и щедрого правителя теперь нет, а король нас совсем забыл. Пробавляемся лишь тем, что дадут благодарные стефенширцы. Хотя и Стефенширом это теперь не назовешь. Ну, да ты сам все видел. Город, кажется, умер вместе с лордом Гелиодором.

– А что со знаменитой стефенширской торговлей?

– Сам видишь, кругом одни джегги. Только самые именитые купцы смогли что-то сберечь при разграблении города.

– А почему я не видел их детей и женщин?

– Они их оставляют в степи, чтобы не на кого было оглядываться в случае чего.

– А кто теперь градоначальник? Наверно какой-нибудь назначенец Его Величества?

– Если бы! Нет теперь у нас правителя. Поначалу король прислал своего ставленника, да он, не прожив и месяца, скончался после пира, говорят, не обошлось без степных ядов... Так что городом правит совет купцов.

– Прямо, как у нас в Уланде, – не удержался от сравнения Аметисто.

– Править-то он правит... – и старый маг, видно, не желая лезть в подробности стефенширской политики, надолго замолчал, потягивая травяной напиток.

– А чем это ты меня угощаешь?

– Что, разве не вкусно? Это чай, из смеси трав Красной степи.

– Тьфу, – поперхнулся гость. – И здесь не обошлось без джеггов.

– Почему «тьфу»? По-моему хорошая вещь. Вкусный, жажду утоляет и не пьянит. Мы тут уже привыкли к нему...

– Привыкли... – печально протянул Аметисто, а сам подумал: – Джегги, всюду они, даже в гильдию проникли их обычаи, и за это мы воевали, теряли товарищей...

Тут он, конечно, лукавил перед самим собой, потому что воевали-то в первую очередь не с джеггами. Между тем беседа дальше пошла вяло, молодой маг уже отчетливо понимал, что в гильдии ему ничего не светит, и ждал только повода, чтобы как можно вежливее откланяться. Старик с лицом, распаренным после третьей чашки степного напитка потихоньку начал клевать носом, и встрепенулся только тогда, когда гость начал прощаться:

– Удачи тебе, молодой коллега, заходи, если что, мы тебе всегда рады.

– Благодарю Вас, – только и смог ответить Аметисто, с тяжелым сердцем прощаясь с тенью былого, каковой был один из последних стефенширских штормовиков.

С большим трудом уландийскому чародею удалось найти более или менее сносную таверну, где ему дали комнатку и место на конюшне. Он решил на следующий же день с утра выехать домой, так как уже понял, что ему од-

ному не под силу сделать что-то в этом забытом Триединством месте. Сидеть в таверне было скучно, и Аметисто надумал пройтись по Стефенширу. На всякий случай он спрятал свою магическую раковину под курткой – кто знает, как отнесутся новые хозяева города к такому атрибуту. Первым делом молодой маг отправился на ратушную площадь. Полуживой храм Триединства с проломленной крышей соседствовал с непривычным строением, напоминавшим юрту кочевников, круглая крыша которого была украшена рогами степных коз и других, неизвестных Аметисто, животных. Чародей с грустью понял, что это место поклонения степным духам. Вся площадь была забита лотками, палатками, тележками, перевернутыми бочками, корзинами, цветными навесами, и все это было заполнено самыми разными товарами, одеждой, оружием, едой, конской упряжью и другими предметами, назначение которых невозможно было сразу определить. На разные голоса перекликались смуглые темноволосые торговцы, хотя покупателей было немного. Казалось, их крики служат только для того, чтобы развлечь самих хозяев. Вся эта картина привела Аметисто в самое мрачное состояние духа. Он почувствовал, как к горлу подступает мутная волна гнева на джеггов, на себя и на свое неумение начать новую жизнь...

– Плащ эльфийский, новый, с золотыми застежками! – раздался громкий голос от ближайшей палатки. – Эй, молодой чужеземец, посмотри, самый лучший товар для тебя.

И Аметисто, еле сдерживая клубящуюся внутри злость, подошел к прилавку:

– Что ты несешь, торгаш! Эльфийские плащи вышли из моды лет двадцать тому назад. Если он эльфийский, так значит, не новый, а если новый, так не эльфийский... И застежки... Да там золото и рядом не ночевало!

С этими словами маг подошел к торговцу, ухватился прямо за одну из застежек плаща, который тот держал прямо перед собой, и колупнул покрытие:

– Обманщик! – зарычал маг вне себя от гнева. – Это простая кость, покрашенная какой-то дрянью!

– Как ты смеешь портить товар! – завопил торговец, выдергивая плащ.

Старая ткань не выдержала такого резкого движения и лопнула. Увидев это, джегг закричал:

– Плати деньги, ты испортил товар!

– Еще чего! Да этот плащ ты наверно с наших убитых стащил, негодяй! – огрызнулся Аметисто.

– Да как ты смеешь!

– Смею, я таких, как ты, джеггская морда...!

– Люди, он оскорбил меня, бейте его! – заорал торговец что было сил, бросаясь на Аметисто с кулаками.

Со всех сторон к ним уже бежали другие торговцы, которые поняли, что перед ними не уроженец города, и можно безнаказанно сорвать на нем свое подспудное недовольство поборами городской стражи, косыми взглядами местных жи-

телей и притеснениями со стороны оставшихся стефенширских богатеев. Аметисто усердно работал кулаками, держась из последних сил, чтобы не применить магию, так как боялся, что не выдержит и снесет весь рынок к Уфу Темному. Хорошо еще, что торговцы не были горазды драться, и из-за этого без конца мешали друг другу, иначе все могло бы кончиться весьма плачевно. А так у мага появились только синяки и порядочная шишка на лбу. Однако нападавшие продолжали наседавать, не давая штормовику возможности сосредоточиться и поставить хотя бы простейший щит. Неизвестно, что произошло бы дальше, возможно, Аметисто все-таки не выдержал бы, и жутковатая история, приключившаяся в Уланде, повторилась бы с еще большим эффектом, но тут из-под прилавка выползла новая фигура. Смуглый темноволосяй парень вместо того, чтобы напасть на мага, бросился на его обидчиков, пронзительно крича:

– Негодяи! Семеро на одного! А ну, брысь отсюда, мешки с медяками!

На тонких пальцах неожиданного заступника загорелись яркие, как свечки огоньки, раздался треск и в нападавших полетел самый настоящий огненный шар. В ужасе отскочив на несколько шагов, торговцы в один голос заорали:

– Джейран, ты что, рехнулся?! На что тебе защищать этого...?!

– Это мое дело!

– Ах так, тогда получишь с ним вместе!

Драка уже готова была вспыхнуть с новой силой, но в этот момент подоспела городская стража.

– Кто зачинщик погрома?! Кто мешает торговле?! – под эти грозные возгласы стражники принялись лупить дубинками всех, кто попался под руку.

Конечно, больше всего досталось Аметисто и Джейрану, так как торговцы, которым общение со стражей было не впервой, резво бросились наутек. Наконец силы оставили мага и его неожиданного защитника, и стражники скрутили обоих.

– Ну, что ж сегодня мы не без улова, – радовались они, таща арестованных прямо к месту заключения.

Их втокнули в маленькую грязную комнатенку, где была всего одна шатающаяся лавка и плохонький масляный светильник. Отдышавшись, Аметисто принялся кое-как зализывать свои синяки, особенно стараясь побыстрее привести в порядок подбитый глаз, потом взялся за Джейрана. Наконец, магические усилия привели обоих в более-менее сносный вид.

– Ты не бойся, – успокоил мага Джейран. – Я здесь уже не впервой, все знаю. Больше бить нас не будут да и выпустят скоро.

– Это почему ты так думаешь?

– Не думаю, а знаю. Нам просто не повезло, начальник стражи куда-то отлучился, а то бы мы уже были на свободе. А без него эти олухи побоятся нас выпускать.

– Как так – на свободе?

– Ну, чего уж проще, я у начальника на особом счету. Я ему кое-какую информацию поставляю.

– Так ты, выходит, того... стукач?

– Фу, ну зачем же сразу так. Просто иногда бывают обстоятельства, деликатные, так сказать, когда и торговцам кое-что нужно от начальника стражи, и ему кое-что не помешало бы. А я тут как тут...

– А почему ты стал меня защищать? – задал Аметисто давно беспокоивший его вопрос.

– А ты не догадываешься?

– Откуда мне знать? Я сегодня только приехал.

– Хм, ну, например, потому, что ты маг, я это сразу понял, – сказал Джейран. – Кстати, именно поэтому тебя тоже отпустят. С магами никто связываться не станет. А пока придется нам потерпеть. Еще хорошо, что мы с тобой здесь вдвоем, а то тут бывает так тесно, что не то, что сесть,дохнуть нечем.

С этими словами Джейран принял самую удобную позу, какую только смог, и, кажется, задремал. Бедного Аметисто мучила жажда, досада на свое глупое поведение, но больше всего ему хотелось понять загадку необычного джегга, который сидел рядом с ним, привалившись к грязной стене так, будто находился не в камере, а в своей родной юрте. В том, что это был именно джегг, никакого сомнения не было, несмотря на его длинные волосы и удивительно правиль-

ную катахейскую речь. Из полузабытья чародея вырвал густой сочный бас:

– Эй, кого вы тут на этот раз отловили?

Дверь открылась, и на пороге возникла толстопузая фигура начальника стражи. Его седые усы свирепо топорщились, в руке была новая медная лампа:

– Ха! Мой любимчик Джейран! Что, опять нашкодил?

– Драка на рынке, Ваше благородие, – раздался из-за его спины голос одного из стражников.

– А это кто с ним рядом?

Тут Аметисто вытащил из-под куртки и протянул вперед свою магическую раковину.

– Идиоты, дурачье! – тут же налетел на своих подчиненных начальник. – Как это вас угораздило связаться с магом! Да с них ломаного гроша не возьмешь!

– Но он дрался на рынке, Ваше благородие, без всякой магии, а амулета мы не видели! – испуганно пролепетал стражник.

– Нечего оправдываться, выпускайте их! А вы проваливайте, пока целы! Кстати, Вам, господин маг, я настоятельно советую как можно скорее покинуть город.

Стража, не решаясь вытолкать свою добычу взашей, осторожно вывела обоих на крыльцо. Над городом занималась вечерняя заря, позолотившая остатки недозатоптанного снега. Аметисто и Джейран, измученные и уставшие, стояли на улице возле здания, где размещалась городская стража.

– Пойдем в таверну, где я остановился, – сказал Аметисто своему невольному спутнику.

– Пойдем, – не стал возражать джегг.

Придя в таверну и поднявшись в комнату, которую занимал Аметисто, они сели на табуретки, которые после полудохлой лавки могли сойти за вполне приличные стулья.

– Ну, что, давай закажем вина да выпьем, что ли? – предложил чародей.

– Вот еще, джегги не пьют вина. Разве что кое-кто из торговцев балуется по вашим катахейским обычаям. Лучше я пойду и попрошу ужин, с нашим степным чаем.

– Значит, ты все-таки джегг? Странный ты какой-то, волосы у тебя длинные и говоришь по-катахейски правильно...

– Да, я джегг, я люблю коней, люблю наблюдать, как цветет наша степь весной, вдыхать запах трав, смотреть, как серебряной змейкой вьется под ветром ковыль... – вдруг мечтательно проговорил Джейран, однако тут же очнулся, вспомнив, что собирался сделать: – Что это я все болтаю тут, когда нам нужен ужин. А денег, кстати, у меня нет, – произнес он вдруг совершенно другим, наглым и веселым голосом.

Аметисто молча протянул ему монету, и тот вышел, скоро вернувшись с полным подносом еды и дымящимися чашками все того же степного чая, который распространил по комнате густой мятный аромат.

– Послушай, парень, я тебе обязан, – сказал маг, принимаясь за ужин. – Если бы не ты, кто знает, чем бы все закон-

чилось. Я мог бы разнести полрынка или погибнуть сам...

– Не спорю... – согласился Джейран.

– Я должен отблагодарить тебя, – продолжал Аметисто, – но не хотел бы обидеть. Поэтому скажи сам, как мне это сделать?

– Благодарность? Ее коню не скормишь и на рынке не продашь... Если уж ты хочешь что-то сделать для меня – возьми с собой туда, откуда приехал.

– И в каком качестве ты предлагаешь тебя взять? – спросил чародей.

– Ну, например, я мог бы быть твоим личным слугой, – предложил Джейран.

– Нет, для слуги ты слишком горд. И потом, чем я бы стал тебе платить?

– Мне не надо платить, я согласен выполнять приказы за еду и одежду.

– У меня никогда не было личных слуг, – пожал плечами Аметисто и, помолчав, добавил: – Но, может быть, ты мог бы быть моим учеником? Я видел, ты сделал огненный шар, и не отпирайся, кое-что в магии ты явно смыслишь. Конечно, я штормовик, и мне не пристало поучать огненных, но какие-то основы...

– Что ж, ученик, так ученик..., – согласился джегг. – Только знаешь, лучше бы нам выехать с рассветом. Боюсь, начальнику стражи не понравится, если он лишится лучшего осведомителя.

При этих словах Аметисто поморщился, так как уже успел забыть, чем промышляет его новый приятель.

– Ну что ты скривился? – ехидно спросил Джейран. – Смущает мое занятие? А ты знаешь, что половина теперешней торговли существует только для отвода глаз? На самом деле все они торгуют запрещенными зельями и только и ждут, когда из других городов к ним прибудут оптовые покупатели. Думаешь, продавая этот хлам, что ты видел на рынке, можно что-то нажать?

– И что?

– А то, что если бы этими зельями торговали, как попало... А так – начальник стражи имеет свое, торговцы – свое, и получается хоть какое-то подобие правил. А как соблюдать порядок, если не знаешь, у кого что почем и откуда?

– Ну ты, однако... Содействуешь торговле такой гадостью...

– А как иначе? Жить-то хочется. Я ведь был когда-то в учениках у колдунов, которые служат степным духам. И говорю по-катахейски правильно, потому что меня готовили, сам понимаешь к чему...

– Понимаю... – протянул Аметисто, которому чем дальше, тем менее симпатичным казался его спаситель, и только врожденная порядочность и умение быть благодарным позволяли ему держать под контролем свою неприязнь. – Так ты может и сам, того... употребляешь?

– Ну, вот еще, это баловство для богатых бездельников

в других городах, которые, насколько я слышал, не чета Стефенширу. А знаешь, хотел бы я увидеть эти города, и весь мир, и другую магию...

При этих словах джегг вдруг перестал быть похожим на сердитого хорька, и выражение его лица вновь стало мечтательным, туманным и почти симпатичным. Глядя на него, Аметисто вдруг осознал, что Джейран действительно очень молод. «Много ли этот необычный степной парень видел хорошего в жизни?» – подумал маг, а сам поинтересовался:

– А родня у тебя есть?

– Нет у меня родни. К колдунам берут с малолетства и уж ни отца, ни мать знать тогда не положено.

– Тогда я беру тебя в ученики, – решил маг, и было непонятно, чего в его решимости больше: благодарности и нарождавшейся симпатии к новому знакомому, который все же восхищал своей безрассудной храбростью и беспечностью, желания наставить заблудшую душу на путь истинный или стремления преодолеть брезгливость к его не вполне добропорядочным занятиям. – Но тогда тебе нужно новое имя...

– Делай, как знаешь, учитель. Хоть котелком назови, только над костром не вешай, – насмешливо произнес парень.

– Так вот ты, оказывается, какой, еще не стал учеником по-настоящему, а уже с ухмылочкой. Хорошо еще, что я не нанял тебя в слуги, а то вся Уланда стала бы надо мной потешаться.

При этих словах улыбка на лице джегга погасла. Он умел менять выражение лица с небывалым для многих проворством, должно быть, это служило ему хорошую службу при беседах с купцами и стражниками, а может быть и с кем-то повыше. Между тем Аметисто куском извести, который сыскался у него сумке, начертил прямо на полу комнатки круг. Затем он велел Джейрану встать на колени в центре этого круга и простер руку над его головой. В тот же миг с трех сторон прямо в воздухе появились знаки Триединства, слабо мерцавшие в полутьме. Джейран, ожидавший чего-то необыкновенного, громоподобного голоса духов, вспышки пламени или хотя бы слабого порыва ветра, недовольно скривился и подумал: «Чепуха какая, у нас в степи имя дают посерьезнее, приходится и на саблях порубиться, и ловкость показать в поединке, а старшие еще и побьют, как следует, а ты не смей даже пикнуть». Но вслух ничего не сказал.

– Нарекаю тебя Тархуном и да благословит тебя Триединство! – торжественно провозгласил волшебник.

– Что! Меня обозвать именем травки, которая стелется под ноги коню?! Еще чего! Из этой травы, между прочим, делают противный сладкий напиток, который дают маленьким детям!

Аметисто так и застыл с открытым ртом, не зная как прервать поток неожиданного красноречия, и очнулся лишь тогда, когда увидел, что магические знаки погасли:

– Как ты посмел нарушить обряд дачи имени! Боги Триединства могут прогневаться!

Но, к удивлению мага, больше ничего не произошло.

– Эх, не дождусь я от тебя благоговения перед старинными обрядами, – вздохнул Аметисто, стирая меловой круг. – Твое счастье, что наверное теперь в Стефеншире сила Триединства ослабла. Оставайся при своем имени, видно такова судьба.

Джейран же тут же вскочил с колен и, ничего не говоря, двинулся к двери.

– Ты куда это собрался? – окликнул его чародей.

– Как это куда? – удивился джегг. – Нам надо бы с рассветом убираться отсюда. А у тебя наверняка всего одна лошадь. Мне что, пешком за тобой бежать?

– Так ты хочешь добыть коня? Небось, украдешь? – испугался Аметисто.

– А если и украду? Что тогда? Прогонишь?

Аметисто не нашелся, что ответить, потому что, нарекая джегга новым именем, взял его под свою опеку.

– Да не бойся, маг, – успокоил учителя Джейран. – Орлы возле гнезда ворон не ловят. Все честно. Просто у меня есть лошаденка, стоит в конюшне у одного знакомого, он мне кое-чем обязан и болтать не станет.

Прошел всего лишь час, и джегг вернулся. Небо начинало понемногу светлеть, и когда маг с учеником выехали через один из больших проломов в стене, утренняя заря уже

встречала их оранжевыми и розовыми полосами на легких перистых облаках. День обещал быть ясным.

Вернувшись из Стефеншира, Аметисто несколько приободрился. Ему приходилось много времени уделять своему ученику, причем учить его не только магии, но и самой обыкновенной грамоте. Он брал его с собой, когда шел помогать клиентам в бедняцкие кварталы, и был очень рад, что там никто не спрашивал, почему с ним рядом находится джегг. В присутствии ученика он уже не мог перебирать выпивки, потому что пару раз, когда он выпивал лишнего, Джейран, хоть и доводил его до дома, потом издевался над ним несколько дней. Джегг не только оказался мастером на острые слова, но и очень легко узнал семейные тайны своего учителя:

– Однако, супруга твоя престранная особа. Что там с ними делают, в этой Лиге? Живет, как будто до сих пор в монастыре.

– Ты мою Сапфиру не тронь, – сердито пробурчал Аметисто. – Не твое это дело. А что это у тебя за царапины на щеке?

– Это? Это ваша белая кошечка, зараза такая, когтями разодрала, – заныл Джейран.

– Врешь! Если бы кошечка, у тебя бы уже воспаление началось. А ну, признавайся, как было дело, пока цел!

– Ну, я... шел по коридору, а твоя жена...

– Ах ты, негодяй, как ты посмел приставать к жене учите-

ля! – закричал Аметисто. – Вот я тебя сейчас!

– Что? Бить будешь или выгонишь? – поддразнил джегг, прекрасно понимая, что ни того, ни другого учитель не делает.

И действительно Аметисто не нашел ничего более подходящего, как приказать Джейрану в качестве наказания вызубрить в три раза больше, чем обычно, магических формул. Этот разговор только усилил в нем чувство вины перед Сапфирой, которое, однако, пока еще не переросло в ревность.

Аметисто не мог долго злиться на джегга, потому что тот стал за последнее время самым близким для него человеком, несмотря на свои хулиганские выходки. Джейран не давал прохода служанкам, до крайности любил стянуть на кухне что-нибудь вкусненькое и удивительным образом знал все сплетни не только в доме, но в целом квартале. Все же присутствие ученика благотворно сказывалось на состоянии мага, который должен был держать перед ним марку и совсем не хотел подавать дурной пример. Время шло к весне, и Аметисто надеялся, что вскоре поплывут торговые корабли, его магические умения потребуются капитанам, а там, кто знает, может быть, они даже отправятся в морское плавание.

Тем временем в школе бойцов успешно шли занятия. И вот настал день, когда полковник Дельфиниум решил, что называется, показать товар лицом и устроить зрелище для горожан, а именно – большие весенние состязания учеников

школы. Накануне грандиозного события Аметисто пришел к Сапфире:

– Ты знаешь, дорогая, завтра должны состояться первые состязания учеников школы меча. Там будет весь город. Даже мой отец и брат решили посетить их, может быть, ты согласишься сопровождать меня?

– Нет, Аметисто, я не пойду, я что-то не здорова, – отмахнулась Сапфира.

Супруг не решился настаивать, так как вдруг подумал, что ей вряд ли будет уж очень весело смотреть, как сражаются на мечах другие, и понимать, что для нее это только воспоминания.

На следующее утро солнечная погода как будто специально собралась сделать приятное уландийцам. Весна вступила в свои права, местами с балконов уже начали свешиваться толстые бело-фиолетовые кисти глициний, а возле арены, на которой должны были проходить состязания, расцвели первые гиацинты. Купцы не поскупились на новенькие трибуны для зрителей и даже на шелковый тент для почетного места, где должны были сидеть члены городского совета. Шумная толпа постепенно заполняла трибуны, нарядные уландийки покачивали разноцветными солнечными зонтиками, простолюдинки шелкали семечки, а молодые парни, бывшие самыми рьяными болельщиками, запаслись изрядным количеством пива, хлопушками и свистками.

Состязание началось с самых младших учеников. Маль-

чишки девяти-десяти лет с увлечением стучали деревянными мечами под радостные крики родителей и взвизгивание девчонок. Потом пришел черед учеников постарше, и здесь уже дело не обходилось без серьезных повреждений и девичьих вздохов. Пару раз солидные маги шторма с носилками выбегали на арену и уносили незадачливого бойца, хотя нанести опасный для жизни удар не позволяли хорошие доспехи и турнирные мечи. Наконец на арене осталось два лучших бойца из старшей группы. После отчаянного сражения был выявлен победитель турнира, и, казалось бы, уже можно было награждать участников, но неожиданно из задних рядов, нагло расталкивая зрителей, на ристалище вылез неизвестно кто такой. Высокого роста, в отличных боевых доспехах, с потрясающе блестящим на солнце мечом с затейливой рукояткой, рыцарь воплощал собой всю дворянскую спесь, вместе взятую.

– Эй вы, купчишки, и это, по-вашему, турнир?! – прорычал он. – Да никто из вас ничего толком и не умеет!

Зрители были крайне возмущены нахальством неизвестного рыцаря, однако решили промолчать и посмотреть, что же будет дальше. А тот между тем перешел в наступление.

– А ну, ты, – он ткнул пальцем в победителя. – Посмеешь выступить против меня?

– Я не посрамлю чести города и моих наставников! – храбро воскликнул юноша, вставая в боевую позицию.

Но одного молодого задора было явно недостаточно для победы. Вскоре парень пропустил удар, и струйка крови потекла по его плечу. Еще один ловкий прием – и вот меч уже выбит из рук отчаянного, но неопытного уландийца.

– Это нечестно! – завопили с трибун. – Гость сражался боевым мечом!

– Подумаешь, – грубо возразил неизвестный рыцарь. – Я же не собирался его убивать, всего лишь указал ему его место. Ступай, парнишка, тебе еще долго надо учиться.

Несчастный ученик школы мечей медленно поплелся к выходу с арены, зажимая рукой кровоточащее плечо. Тем временем в первом ряду полковник Дельфиниум крепко сжал руку сидевшего с ним рядом воина в маске.

– Послушай, Арифас, – прошептал он ему на ухо. – Теперь вся надежда только на тебя. Я сегодня не в форме, вчера повредил ногу.

Его собеседник, не тратя лишних слов, одним прыжком перемахнул через барьер и, учтиво поклонившись, произнес:

– Благородный гость, не соизволите ли Вы сразиться с преподавателем школы? – и добавил, кивнув начальнику школы: – Я надеюсь, Вы не возражаете, чтобы и у меня был боевой меч?

– Да хоть какой угодно, – развязно ответил его противник. – Что мне, мечнику из самого Эйдалон-Бравира, бояться вас, провинциалов!

Однако самоуверенность гостя оказалась недостаточным

оружием против истинного мастера, вернее мастерицы, воинского искусства. Поначалу их умения казались равными, однако через несколько минут стало ясно, что грубая сила незнакомца уступает ловкости и изяществу движений его противника. Трибуны неистовствовали. Крики, свистки, женский визг – все смешалось в какую-то невероятную какофонию, в которой совсем не было места ни малейшему одобрению в адрес рыцаря. Когда он в очередной раз в ярости кинулся на соперника, тот ловко отпрянул в сторону, и могучая фигура заезжего храбреца рухнула на арену. Тут же с трибун раздались такие аплодисменты и приветственные крики, что некоторые особо чувствительные дамочки мало что не попадали в обморок. Пошатываясь, посрамленный пришелец подобрал свой меч и, даже не поклонившись, удалился с арены. И не избавиться бы ему от жгучего стыда до конца своих дней, узнай он, что в поединке его одолела женщина.

– Арифас! Арифас! – скандировали между тем трибуны с подачи начальника школы, который был несказанно рад, что перед глазами городского совета одержана столь красивая победа.

Потом на арену вышел представитель купечества, который вручил победителю главный приз – мешочек золотых монет. Три самые красивые девушки Уланды, которым выпала честь поздравлять победителей, преподнесли молодому преподавателю огромный букет роз, который был принят с церемонным поклоном. Все ждали, кому воин передаст бу-

кет, ждали, что, он снимет маску, готовились услышать, что он скажет властям и горожанам.

– Благородные уландийцы! Благодарю вас за щедрую награду! Пусть мой меч и дальше служит славе этого города! Да пребудет с нами благословение Гидроса! – торжественно произнес Арифас.

Проговорив эти слова, он, однако не снял маски и подарил букет жене председателя городского совета, что, конечно, было очень политкорректно, но совсем не интересно для пересудов. После этого на поле кинулись ученики школы и сам начальник, все стали обнимать и поздравлять победителя, и веселая толпа отправилась отмечать славное окончание первого турнира. Аметисто во время всех этих событий все внимательнее и внимательнее разглядывал Арифаса.

– Душу заложу морскому дьяволу, что это Сапфира, – думал он.

Когда же чародей услышал ее голос, никаких сомнений больше не осталось. Однако как только его жена отправилась куда-то со своими коллегами по ремеслу, он неожиданно перестал чувствовать гордость за ее победу.

– Да, у нее успех. А я? Все еще маг без должности и друг бедняков? – удрученно думал маг. И очень некстати вспомнилось, как Ульва, глядя поутру в его хмурое лицо, шепнула:

– А, знаешь, твоя-то жена каждое утро, как только ты за ворота, седлает коня и едет на прогулку. Интересно, с кем это она гуляет?

– Не твое дело! – рыкнул тогда в ответ Аметисто, потому что чувствовал вину перед Сапфирой, которую совсем оставил без внимания.

– Эй, учитель, что это ты вдруг побледнел и задумался? – Джейран дернул чародея за рукав, вырывая из неприятных мыслей.

Не желая разговаривать обо всем этом с учеником, Аметисто отправился вслед за ним, унося с собой с праздника досаду, сомнения и ревность.

Сапфира отсутствовала дома всю ночь, но никто не обратил на это внимания, потому что она уговорила одну из служанок говорить всем, что госпожа больна и не выйдет из комнаты. Один только Аметисто знал, как обстоит дело, но совсем не собирался делиться своими подозрениями с семейством.

А в школе меча дым стоял коромыслом. От купечества было даровано достойное угощение, кружки с пивом так и летали, и молодой женщине временами казалось, что она вернулась в свое прошлое, когда ей случалось вот также праздновать в обществе подруг и боевых товарищей. Тут же оказалась лютня, пошли в ход лучшие песни, боевые и не очень. Звонкий голос молодой женщины с энтузиазмом выводил старинную уландийскую песню, а голоса мальчиков вторили ей:

В торговом городе курьером

Служил веселый паренек,
Был для товарищей примером
И бегал, не желая ног.

Привлек вниманье дамы важной
Он расторопностью своей,
Оставив вскоре труд бумажный
Лакеем сделался при ней.

Слуге, как сыну, завещала
Все состояние она,
Дней пронеслось с тех пор немало,
Пришли иные времена.

Стал юный лорд надменным слишком,
В карете ездит, вина пьет,
Никто проворного парнишку
Теперь уж в нем не узнает.

На следующее утро Сапфира возвращалась домой уже не в веселом, а в почти печальном расположении духа. Она понимала, что объяснения с Аметисто не избежать, потому что даже если ее отсутствие не было замечено, возвращения скрыть не удастся, и готовила защитную речь:

– Так, господин мой, ты можешь упрекать и подозревать меня в чем угодно. Но и ты тоже хорош, я-то, по крайней мере, нашла себе достойную должность, а ты... – но дальше этих тирад речь что-то не строилась.

Воительница жалела о погибшей любви, жалела своего незадачливого мага, совсем недавно бывшего подающей надежды звездой академии, а, теперь судя по некоторым признакам, склонявшегося к избытку пива и вина и общению со всяким сбродом. С опущенной головой, усталая, растратившая радость от вчерашнего торжества, молодая женщина вернулась домой. Ворота открыл мрачный Финвал, который ничего не сказал, лишь укоризненно покачал головой. Воительница потихоньку отправилась в кабинет, где по обыкновению проводил ночь ее муж в обществе теперь уже почти любимого ученика. Неслышно отворив дверь, она увидела, что джегг спит на диванчике в углу, а Аметисто сидит возле стола, как будто и не ложился, уткнувшись в толстую книгу. Когда она положила руку на плечо своего мужа, тот обернулся и поглядел на нее так, как еще никогда не смотрел. Смесь гнева, недоверия и еще чего-то, чего бедная Сапфира не могла разобрать, привела ее в такое состояние, что все заготовленные речи мгновенно были забыты.

– Послушай, Аметисто, – тихо попросила воительница. – Прости меня за то, что я тебе ничего не говорила. Я понимаю, что наша любовь кончилась. Если хочешь, я уеду обратно в Лигу, там всегда принимают женщин, которые ушли от мужей.

– Что? Победительнице турнира не к лицу быть замужем за магом без должности? – язвительно произнес Аметисто.

– Что ты, Аметисто, при чем тут это. Просто... Ты же сам

понимаешь, мы как-то стали далеки друг от друга. Наверное, здесь, в Уланде, хотя и мне и стал дорог этот город, уже ничего не изменить. Но... почему ты не хочешь поехать в Альмарино?

– В Альмарино? – все с той же интонацией переспросил маг. – К колбам и пробиркам?

– Да что с тобой, Аметисто? Ты прежде так ценил свои научные занятия!

– Моя тогдашняя наука ничего не стоит по сравнению с тем, что я узнал здесь, среди бедняков. Одна улыбка исцеленного ребенка для меня дороже всех смерчей, которые я мог бы сотворить.

– Так что, ты хочешь оставить все как есть? И по-прежнему заливать свои проблемы вином? И возится со своим нелепым учеником? А знаешь ли ты, что даже твой отец косо поглядывает на него после того, как он в шутку магией изменил цифры на нескольких листах в конторской книге. Смотри, как бы он не приказал выставить его за дверь. А вчера служанка жаловалась, что он ей прохода не дает. Вот, привез сокровище из Стефеншира! – бедная Сапфира окончательно вышла из себя, что случилось с ней чрезвычайно редко.

– Не смей трогать моего ученика! Он мой, и только мой! – прошипел Аметисто, и его глаза сверкнули неестественным фиолетовым огнем, что предвещало крупный скандал.

– Ну ладно, ладно, Гидрос с ним. Прости меня, пожалуйста, но ведь что-то же нужно предпринимать. Либо я ухожу,

либо... – поникшим голосом возразила воительница.

– А если мы уедем в другую страну? В Тиндор, например? – с не самой приятной гримасой предложил маг, не без мысли о том, что если Ульва права, его жене такое предложение не придется по душе.

Неожиданно Сапфира встрепенулась:

– Ну что ж, в Тиндор, так в Тиндор. Тем более что язык я на досуге уже выучила, так что буду заодно твоим переводчиком.

– Вот еще, – скривился Аметисто. – Я еще в академии неплохо изучил этот язык, – и спросил уже почти деловым тоном: – Так что, ты действительно согласна?

– Почему бы и нет? – отозвалась воительница, которой хотелось поскорее закончить этот неприятный разговор. – Что меня тут держит? В школе мне наверняка найдут замену. Между прочим, я кое-что скопила от своего жалования, да и награда была немаленькой, так что нам на первое время хватит. А там видно будет.

– Итак, решено. Мы едем в Тиндор, – решительно заявил маг и тут же добавил, глядя на жену предупреждающим взглядом: – Только смотри, Джейран едет с нами.

Ясным солнечным утром, когда море играло изумрудными волнами, большой трехмачтовый корабль купца Омара, «Роза востока», стоял в порту, готовый к ежегодному плаванью в Тиндор. По сходням с достоинством поднялся капи-

тан, а следом двинулись Аметисто, который с удовольствием взял на себя должность корабельного мага, его ученик, и молодой воин, известный всему городу как преподаватель школы мечей Арифас. Кроме капитана, никто, конечно, не знал, что это супруга сына хозяина. Сапфира сама настояла на таком полуинкогнито, не желая быть единственной женщиной на борту. Тем не менее, ей из уважения была предоставлена отдельная каюта. Никто бы и не подумал, какие нелепые мысли одолевали Аметисто при посадке. Казалось бы, он должен был размышлять о будущем путешествии, о мало-знакомом Тиндоре, а он, причем не без злорадства, думал:

– Ну, посмотрим, жenuшка, как-то тебе покажется морская болезнь! Покачаешься вволю на волнах, это тебе не степь, ровная как скатерть. А уж я в свою очередь буду сама забота.

На корабельных мачтах развевались цветные флажки, сустились, заканчивая последние приготовления к отплытию, матросы, капитан, подойдя к борту, о чем-то сосредоточенно беседовал с лоцманом, который подъехал в своей лодке совсем близко.

– Отдать носовой! Отдать кормовые! Поднять якорь! Шевелитесь, шевелитесь! – и, повинуясь мерным движениям гребцов, корабль двинулся прочь из бухты.

– Прощай, друг бедняков! – громко закричали из задних рядов провожающих слуги, рыбаки и их жены.

Неожиданно Сапфира заметила в толпе полковника Дель-

финиума.

– И откуда он только узнал, что его любимец Арифас уезжает? – думала она, потому что хотела отплыть, не прощаясь.

На пристани махали платочками служанки, купец Омар, оглаживая бороду, молился потихоньку Гидросу за старшего сына и удачу плавания, Лангусто вздыхал, с одной стороны радуясь отъезду старшего, а с другой стороны не без трепета вспоминая его похождения, на которые он сам, благоразумный с ранних лет, никогда бы не решился. И никто не замечал, как Ульва вытирает с лица непрошенные слезы.

Плавание было вполне спокойным. Волшебный ветерок, за которым приглядывал Аметисто, надувал паруса, вокруг корабля временами выпрыгивали из воды дельфины, предвещающая доброе отношение Гидроса. К удивлению мага, его супруга чувствовала себя превосходно, даже в дни, когда погода приближалась к штормовой, никакие недомогания ее не беспокоили. В результате у мага совершенно не было возможности проявить по отношению к ней ту самую заботу, которая могла бы возвысить его в собственных глазах и послужить залогом примирения. Зато Джейран, который привык делать вид, что ему все нипочем, окончательно расклеился. Волшебные снадобья от морской болезни почему-то вызвали у джегга еще большую тошноту, так что, в конце концов, пришлось отказаться от попыток улучшить его состояние с помощью магии. Он не выходил из их общей с Аметисто каюты, почти ничего не ел, его хамоватая с подковырка-

ми разговорчивость исчезла, будто слизанная морской волной. Аметисто ничего не оставалось, как заботиться о своем ученике, как о тяжелобольном, и пытаться поднять его дух рассказами о подвигах магов былых дней.

Однажды вечером, когда море немного успокоилось, Аметисто вышел из каюты и вдруг услышал, что откуда-то с палубы доносится залихватская песня. Голос показался ему до невозможности знакомым, хотя и немножко хрипловатым. Потихоньку, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, и не видеть внеочередных поклонов, поскольку матросы относились к нему с подчеркнутым почтением, не только как к магу шторма, от мастерства которого подчас зависит жизнь корабля, но и как к сыну хозяина, молодой человек двинулся туда, откуда раздавалось пение. Каково же было его удивление, когда он увидел, что Сапфира в своем воинском костюме сидит на перевернутой бочке, в самой что ни на есть вольной позе, закинув ногу на ногу, бречит на старенькой гитаре и, несмотря на то, что ее голос несколько пострадал от свежего морского ветра, распевает превеселые куплеты:

Однажды боцман де Лазур,
Большой любитель авантюр,
Служивший много лет на «Трилобите»,
Поспорил с другом на пятак,
Что он без весел, просто так,
Сумеет море переплыть в корыте.

Лишь только выкрасил рассвет
Полнеба в золотистый цвет,
А ветер разогнал клочки тумана,
Наш фантазер на корабле,
Каких не знали на земле,
Отдался грозной воле океана.

Бранились чайки над волной:
Одна нахально у другой
Добычу из-под клюва утянула.
Казалось, путь сулит успех,
Да появилась как на грех
Голодная зубастая акула.

Решив на храбреца напасть,
Она уже раскрыла пасть,
Но боцман, не привыкший падать духом,
Плевков прицельный в тот же час
Послал злодейке прямо в глаз,
И та всплыла со страху кверху брюхом.

Едва он справился с бедой,
Как юной девы под водой
Послышалось чарующее пенье:
«О, странник мой, спустись ко мне,
Ты здесь, в прохладной глубине
Познаешь неземное наслажденье!»

Смутившись от таких речей,
Моряк бывалый поскорей
Назад к родному берегу рванулся,
Но вскоре о коварный риф
Корыто вдребезги разбив,
Пошел ко дну и в этот миг проснулся.

Бедняга боцман сам не свой,
С хмельной тяжелой головой,
Весь мокрый, точно вылез из колодца,
Лежит в таверне под столом,
А друг стоит над ним с ковшом:
«Ну что, приплыл, голубчик?» – и смеется.

«Чего, чтоб черт его побрал,
В вино хозяин подмешал!
Я ж приложился только раз к стакану!
Возьми хоть десять пятаков,
Но только, ради всех богов,
Не говори ни слова капитану!»

Вообще-то Сапфира немало нахваталась подобных песен в школе бойцов, знала она и более непристойные варианты, но душа ее не лежала к избыточному натурализму.

– Подумать только, и это моя скромница Сапфира... – только и смог прошептать Аметисто, – выходит, я совсем не знаю своей жены...

Глава 3. Королевский бал

В последний день месяца таяния снега состоялся королевский бал, первый после долгого траура. Бледные после зимнего затворничества лица придворных красавиц отражались в длинных зеркалах залы, словно чахлые первые подснежники в саду. В зеленом зале, возле карточного стола, толпились кавалеры, не столько для того, чтобы поучаствовать в игре, сколько чтобы успеть назначить нужную встречу или обменяться многозначительными взглядами. Королева со своего возвышения отлично видела и смущающихся дебютанток, и самодовольных мамаш, надеющихся выгодно пристроить своих чад, и спину своего первого министра, кланяющегося Великому магу чересчур почтительно на ее взгляд.

– Да где же, наконец, дайн Сандарак? Мне необходимо, просто необходимо пройтись с ним в следующем танце, чтобы партия Воздуха не сомневалась, что ее ставленник все еще в фаворе, – сердилась королева Лиания, но на ее мраморном строгом лице не отражалось ничего, кроме положенной на такой случай милостивой улыбки.

Дайн Сандарак, последний потомок знатного, но обедневшего рода, два года тому назад удачно продал свою мужественную красоту. Высокий, отлично сложенный, великолепный наездник и дамский угодник, он казался всем одним из тех легкомысленных молодых людей, которые ни к чему

не пригодны, кроме как веселиться, делать долги и греть постели богатых дам, способных прокормить этого залетного орла. Но это было обманчивое впечатление. Партия Воздуха давно заметила сероглазого красавца, но только он сам и еще кое-кто знали, чего стоил и к чему должен был привести его успех у королевы.

Танец начался. Церемонно кланялись кавалеры, развеивались пышные зеленые, красные и синие юбки дам. Лиания, так и не дождавшись возлюбленного, поднялась с возвышения, и через потайную дверцу покинула зал. В уютном кабинете, куда звуки музыки почти не проникали, она смогла, наконец, погасить дежурную улыбку и посидеть в тишине. Своды, задрапированные темной тканью, неяркий магический светильник, плетистые розы, изображенные на стенах. Любимое место для размышлений и печали. А печалиться королеве было о чем. Его Величество, погибший при не очень ясных обстоятельствах на зимней охоте, не был для нее светом в окошке. Грубый, подчас склонный к избыточной выпивке, он мало интересовался государственными делами, оставив все на первого министра. Еще свежи были постыдные воспоминания о том, как этот могучий мужчина, приняв лишнего, укладывался на пол в одном из дворцовых коридоров и щипал придворных дам за разные места. Дамы совсем не сердились, они притворно взвизгивали, и каждая надеялась на продолжение. Еще бы, при таком короле можно было рассчитывать на влияние для родни. Но надежды их

были напрасны. Пошутив и побаловавшись, король возвращался в женину спальню, но не в политику.

Лиания вздохнула, отгоняя рой воспоминаний. Теперь было не до них. Знать полагала, что со смертью короля ничего не изменится. Можно будет по-прежнему играть на вражде партий Земли и Воздуха, запускать руку в казну, добывать налоговые послабления и все новые и новые должности.

– Не будет вам по-прежнему! Вы думаете, что я – всего лишь влюбленная женщина? И буду делать то, что мне напечет ночью Сандарак? Я давно знаю ему цену. Знаю, кто ему платит и сколько. Но удалить его – не время. Он полезен, умен и хитер. И у меня больше нет никого, ведь первый министр играет свою скрипку. Что делать? Где взять верных людей? Дочь... Единственная наследница. Романтическая дурочка. И никого, кому бы я могла довериться, – думала королева, не признаваясь даже самой себе, что решение уже созревает. Опасное, но, в случае успеха, способное принести ей власть, равную той, которой владели короли Тиндора в далекие времена, когда ни о каких партиях Земли и Воздуха и ни о каком государственном совете и слыхом не слышали.

Шорох у двери заставил Лианию обернуться. Мало кто знал вход в этот потаенный кабинет. Мало кого сюда приводила королева. Пока был жив супруг, никто особенно не стремился снискать ее милостей. Только партия Воздуха

сделала на нее ставку. Ясное дело, почему. Его Величество отличался редкостным миролюбием, война совсем не привлекала его. «Зачем воевать, если Тиндор так богат и могуч, что может купить все, что захочет?» – повторял государь вслед за первым министром. И боевые маги, первооснова партии Воздуха, стали терять опору под ногами. А между тем в столичном университете изобрели диковинные вещи, которые без всякой магии смогли бы принести Тиндору победу в случае войны с менее продвинутыми в технике соседями. Эти изобретения тут же поддержала партия Земли.

– Нет, это не мышь, – поняла Лиания, услышав, что шорох перешел в царапанье, – Это кто-то хочет попасть в кабинет.

Королева резко поднялась с жесткого стула, который держала тут специально, чтобы не разнежиться в одиночестве, и приоткрыла дверцу. В полутьме узенького коридорчика обнаружилась принцесса Милана.

– Ш-ш-ш... – королева совершенно простонародным жестом приложила палец к губам и втащила девушку в кабинет.

В минуты растерянности у королевы появлялись вполне плебейские привычки, она могла часами грызть в одиночестве сухари, если ее что-то беспокоило, или площадно выругаться, когда ее постигало неожиданное потрясение. Ее родители, также как и родня Сандарака были небогаты. Стать королевой ей позволил случай. Партии Воздуха и Земли никак не могли договориться, какую принцессу из сопредельного государства следует просить в жены молодому королю,

а тем временем Великий Маг, покопавшись в древних книгах, указал на нее. Так впервые за многие годы король женился на подданной. В этом находили и политический просчет, и демонстрацию мощи Тиндора, которому уже не особенно нужен династический брак.

Милана выглядела испуганной и возмущенной одновременно.

– О, Великая Богиня, – думала королева, глядя на дочь, – ты послала мне ее, должно быть, за грехи молодости. Жалкое и нелепое создание. Любой, кто позарится на нее, опасен. Где бы взять порядочного человека, который бы согласился ради блага Тиндора дать государству наследника и не претендовать на большее.

Лиания не собиралась спешить расспрашивать девушку. Пусть перестанет трястись и расскажет все сама. В конце концов, принцесса она или нет? Сколько сил вложено в то, чтобы девчонка, наконец, научилась достойной сдержанности и не мчалась к матери по всякому мелкому поводу. Вот, еще вчера, прилетела как на крыльях, лицо красное, вся прямо кипит. И что? Подумаешь, кто-то сломал ее любимый подснежник в саду. А может, вовсе и не кто-то, а ветер или дождь?

Не дождавшись, королева приказала самым что ни на есть властным голосом:

– Принцесса! Присядьте, наконец, и расскажите, что случилось! Хватит трястись!

– Мама... Пожалуйста, не надо сердиться. Я, право, совсем не виновата ни в чем. Я ничего такого... Я даже и не думала...

– Да что такое, в конце концов?!

– Дайн Сандарак... он... прямо только что в розовой комнате... Сначала разговаривал со мной ласково, обещал подарить новые семена цветов из Катахеи. А потом... потом стал меня обнимать и говорить такие слова... Я вырвалась и прибежала сюда.

– Великая Богиня... Я всегда знала, что с тобой каши не сварить. Как это тебя угораздило. Нет, надо скорее выдать тебя замуж. Демоны с ними, с принцами. Нужен достойный отпрыск знатного тиндорского рода. Завтра же обращусь к Великому Магу. А теперь сходи в буфетную да выпей чего-нибудь, а то на тебе лица нет.

– Мама... А Сандарак? Я боюсь его.

– Дурочка. Чего его бояться. Он никогда не сделает ничего, что пошло бы во вред Тиндору. А не выдать ли мне тебя за него замуж? Ну ладно, ладно, я пошутила, – усмехнулась королева, увидев искренний ужас в лице дочери.

Дверь в кабинет распахнулась, и в полумрак ворвался дайн Сандарак собственной персоной.

– Лиания! Я вижу, твоя дочь уже здесь и, конечно же, с жалобой! У нее никудышные наставники! Она совершенно не умеет себя вести. Я бы на твоём месте нанял ей других

учителей, пока еще не поздно.

– Сан, ты забываешься! Не кажется ли тебе, что со смертью короля твоя тень нависла над троном?! Убирайся! Поговорим вечером! Милана, я провожу тебя в зал.

Сандарак остался невозмутимым и покинул тайный кабинет, несколько не испугавшись гнева повелительницы.

– Что ж, надо и ей иногда позволить выплеснуть гнев. Другое дело, что мой план, должно быть, придется пересмотреть.

Через три дня Лиания ждала в своей уютной спальне прихода фаворита. Босые ноги королевы утопали в новом прикроватном коврик. Это был не простой коврик. Королева приказала добыть для него пару лесных крайдов, хитрющих и редких хищников. «Звери его герба под моими ногами. Шерсть колючая. Но стоит потерпеть. Он, конечно же, заметит. Пусть думает, что это маленькая женская месть. Пусть поверит, что я ревную. Он умен, но, как всякий умный мужчина, привык думать, что женщина всегда будет лишь игрушкой в его руках. Я не стану его разочаровывать».

Доверенная служанка как всегда бесшумно отворила дверь, и мужчина в строгом сером костюме вошел в спальню. Поморщился, сразу увидав на полу оскаленные головы.

– Моя повелительница, не кажется ли тебе, что в последнее время твой вкус тебе изменяет?

– А тебе? Польстился на цыплячьи прелести моей дочери!

– Дорогая, никогда бы не подумал, что ты снизойдешь

до обычной ревности, как какая-нибудь простая дворяночка.

– А я не думала, что ты позволишь себе за моей спиной подбивать клинья к Милане!

– «Подбивать клинья»... Как это вульгарно. Я всего лишь хотел испытать нашу крошку. Ей ведь пора бросить свои детские забавы и подумать о будущем.

– О будущем? О, я вижу, ты уже придумал! Хочешь устранить меня, жениться на единственной наследнице и стать...

– Ничего подобного! – с жаром воскликнул Сандарак и прильнул к губам королевы с жарким поцелуем.

Лиания не то чтобы сделала вид, что поддается пылкости, которая успела уже подзавянуть за пять лет их нежной близости, но, в самом деле, позволила себе эту маленькую слабость. Чуть позже, когда пара уже отдыхала, потягивая прохладительный напиток из тонконогих серебряных бокалов, королева снова завела прерванный разговор:

– И все-таки, милый друг, как мне лучше поступить. Взять самой принца-консорта, дабы успеть еще произвести на свет наследника, или поскорее подобрать пару дочери?

– Дорогая, какие трудные вопросы ты задаешь сегодня. Давай не будем портить вечер. К чему такая спешка?

– С той поры, как погиб король, у меня нет ни одной минуты покоя.

– Доверяй мне так, как все эти годы, и все будет прекрасно! – с пафосом воскликнул Сандарак, целуя ручки Лиании.

Глава 4. Катахейцы в Тиндоре

Благословенна земля Катахеи. Все в ней есть: и озера, и могучие леса, и сухие степи. И нет вокруг никаких других государств. Разве что джегги в степях. Но их и государством не назовешь. Но чего-то все-таки не хватает. И молодые да ранние плывут через Великий океан в Тиндор и другие сопредельные страны. Счастья поискать, себя показать.

Вот он, западный порт Альтамир. Так близко, что уже можно разглядеть и корабли на рейде, и даже юркие лодчонки местных рыбаков. «Роза Востока», не дожидаясь лоцманов, благо свой маг шторма на борту, благополучно бросила якорь в знакомой бухте. Приказчикам Омара предстояла немалая работа. Аметисто, Сапфира и Джейран тепло попрощались с соотечественниками, хорошо запомнили адрес, куда можно будет направлять письма до востребования и отправились в город. Альтамир встретил их обычным шумом и суетой, розовыми лепестками, только-только распустившимися на голых ветвях деревьев, и множеством разных запахов: жареной рыбы, пирожков и блинчиков, зловонием прибрежной бухты.

«Чем-то похоже на Уланду, но и не похоже», – думал каждый из троих, стараясь не особенно разглядывать причудливые наряды прохожих, темные лица некоторых горожан и преудивительнейшие повозки, двигавшиеся без лошадей.

«Надо же, – изумлялся Аметисто, – тратят магические ресурсы на такое. Ведь это ж сколько надо их, чтобы повозки так вот без лошади... Или это механика какая...» Сапфира больше всего изумлялась тому, что хотя они прошли уже не один квартал, и, судя по виду домов, попали в места, где обитали небедные граждане, не встретила никого при оружии. «Чтоб в Катахее да богатый человек был без меча или шпаги? Даже у бедняков найдется хоть плохонький да кинжал. Хотя... – тут Сапфира вспомнила одну из тиндорских книг, которые читала в Уланде, надеясь усовершенствовать знание языка, – они здесь, кажется, давно не воюют. А на страже государства стоит большая наемная армия. Должно быть, она расквартирована возле границ. А простому гражданину оружие и не к чему. У них, вроде бы, строгие законы». Джейран более всего дивился деревьям в узких деревянных ящиках, украшавших главную улицу: «Бедняжки, ведь им тесно, и корням душно. Дерево должно корнями стремиться во все стороны. А тут, словно арестанты. И вода из золотых и серебряных чаш прямо вверх брызжет. Надо же, как воду тратят! А еще говорили, что тиндорцы благоразумнее катахейцев. А одеты! Не поймешь, где мужчина, где женщина! Вон, идет, красавчик или красавица... Расфуфыренный, будто степная птица».

Бродя по городу, путешественники заодно пытались приискать себе постоянный двор подешевле, но поприличней, чтобы поскорей распрощаться со своими. Долгие проводы –

лишние печали. Заодно и город посмотреть. Нет, на первый взгляд Альтамир им не понравился. Слишком пышный, до безвкусицы, пестрый, а храм Великой Богини и вовсе лишен строгого величия, на парадный сладкий пирог с завитушками, вроде тех, что подают в Уланде на свадьбах, похож. Нет, не чтут здесь Богов Триадинства. А муж-то у Великой есть ли? Или тут бабье царство, раз властвует в Тиндоре королева. Аметисто даже пожалел, что плохо учил в свое время страноведение. Как бы не наделать глупостей по незнанию.

Еще на корабле маг договорился с женой, что надолго в порту они не задержатся. Молодого чародея манил великий университет Тиндора, располагавшийся в столице. До Йондерга не так уж далеко, если купить приличных лошадок, то можно и в два дня поспеть. На следующее утро, основательно подкрепившись и купив неплохих лошадей, катахейцы двинулись в путь. Джегг радовался как ребенок – еще бы, после утомительной морской болезни, после долгих пеших хождений по городу вдруг оказаться в отличном седле, верхом на коне, как он привык с детства! Оставив спутников, Джейран резво помчался вперед. Сапфира и Аметисто не спешили последовать за ним. Тонкий запах гари озадачивал и беспокоил.

– Наверное, лачуга какая-то горит. Едем, вряд ли мы узнаем, где это. Тут домишко на домишке сидит и домишком погоняет, – рассудительно сказала воительница, но пускать коня вскачь не торопилась. – Ни к чему спешить, дорога дол-

гая. Твой ученик еще пожалеет, что гонит лошадь. Тоже мне, степняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.